

ТЕНЬ

Молчание
Вэнса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А.Голд

18+

А. Голд

Тень. Молчание Вэнса

«Автор»

2026

Голд А.

Тень. Молчание Вэнса / А. Голд — «Автор», 2026

Гидеон Вэнс — лучший частный детектив Лондона, бывший оперативник Интерпола. Четырнадцать лет назад он ушёл из дома, чтобы защитить тех, кого любил. Он привык жить в тени. Но однажды тень становится его врагом. В старых архивах закрытого клуба «Элизиум» Гидеон находит то, что не должен был найти. Тайну, которая связывает его с женщиной, которую он поклялся защищать. Тайну, которая может стоить жизни им обоим. Он оставляет ей голосовое сообщение. Он хочет рассказать правду. Но правда убивает. «Тень» — вторая книга дилогии «Элизиум». Это история о любви, предательстве и мести. О людях, которые живут на грани. О секретах, которые разрушают семьи. И о тишине, которая говорит громче слов.

© Голд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ночь перед уходом	7
Глава 2. Интернат	10
Глава 3. Академия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

А. Голд

Тень. Молчание Вэнса

Пролог

Ему было четырнадцать, когда он впервые узнал, что такое предательство.

Не от врага — от любимого человека. От того, кого он называл отцом. Алекс Морган разбудил его среди ночи — не для того, чтобы утешить после кошмара, а чтобы вырвать из дома, из семьи, из жизни. «Ты должен уйти», — сказал он. И Гидеон ушёл.

С тех пор прошло двадцать три года. Он научился жить с этой раной. Научился не оглядываться. Научился защищать тех, кто не знал, что он их защищает. Он стал лучшим оперативником Интерпола, потом — лучшим частным детективом Лондона. Женщины хотели его, и он не отказывал им, но никогда не оставался на утро. Одиночество он носил как броню — и оно ещё ни разу его не подвело.

До сегодняшнего дня.

Сегодня он сидит в машине у архива «Элизиума» и смотрит на папку, которую только что вынес. Он ещё не знает, что через несколько минут умрёт. Он ещё не знает, что его последние слова останутся на голосовой почте сестры. Он ещё не знает, что человек, которого он искал всю жизнь, окажется его отцом.

Всё, что он знает сейчас, — это то, что в папке правда. Правда, которая изменит всё. Правда, ради которой он жил.

Он открывает папку. Читает. Замирает.

Этого не может быть.

Он перечитывает ещё раз. И ещё. Руки дрожат. Лицо бледнеет. Он смотрит на строчки, и они расплываются перед глазами — впервые за много лет он не может совладать с собственным телом.

Если это правда — всё, что я знал, ложь. Вся моя жизнь. Вся моя работа. Всё, во что я верил.

Он достаёт телефон. Набирает номер.

Гудки. Голосовая почта.

— Равенна. Слушай внимательно. Я нашёл кое-что в старых архивах. Это касается тебя. Это касается всех нас. Я не могу сказать по телефону — слишком опасно. Встретимся завтра. И... не доверяй никому. Особенно тем, кто рядом. Ты понимаешь, о ком я. Если со мной что-то случится — ищи правду там, где клуб хранит свои скелеты.

Он отключается. Смотрит на папку.

А потом — удар по затылку. Резкий. Профессиональный.

Телефон выпадает из рук. Папка — тоже. Последнее, что он видит, — жёлтый свет фонаря, дрожащий в луже, и чьи-то ботинки. Дорогие. Итальянские.

Темнота.

Вот так всё заканчивается. Не героически. Не красиво. Просто удар по затылку и темнота. Я думал, что успею. Я ошибался. Прости, Рэй. Я не успел.

Глава 1. Ночь перед уходом

Ему было четырнадцать, и он ещё верил, что мир устроен справедливо.

Эта вера умерла в три часа ночи, когда дверь его комнаты открылась без стука и на пороге появился Алекс Морган. Не отец — Гидеон знал, что Алекс не его отец, знал с тех пор, как научился понимать шёпот взрослых за закрытыми дверями. Но он был единственным мужчиной, которого Гидеон мог так назвать. Единственным, кто учил его завязывать галстук, держать слово и не плакать, когда больно.

Сейчас Алекс стоял в дверях, и его лицо было таким, каким Гидеон не видел его никогда. Серым. Чужим.

— Одевайся. Нам нужно поговорить.

Гидеон сел на кровати. Сердце забило где-то в горле, но он не показал страха. Не задал ни одного вопроса. Просто встал, натянул джинсы, свитер и пошёл за Алексом в кабинет.

Кабинет был маленьким, прокуренным, с книжными шкафами до потолка. Алекс сел за стол. Гидеон остался стоять. Он чувствовал: что-то случилось. Что-то, что изменит всё.

— Ты знаешь, что я не твой отец, — начал Алекс.

Гидеон кивнул.

— Ты знаешь, что твоя мать и я любим тебя. Что ты — часть этой семьи.

Ещё один кивок.

— Тогда ты поймёшь то, что я сейчас скажу. — Алекс помолчал. — Есть человек. Его зовут Грегори Хейл. Он опасен. Очень опасен. И он охотится за нашей семьёй. За мной. За твоей матерью. За Равенной.

— Почему?

— Это долгая история. — Алекс поднялся и подошёл к окну. — Когда-то, ещё до твоего рождения, Хейл был частью жизни твоей матери. Близкой частью. Потом он исчез — так же внезапно, как появился. Но недавно он вернулся. И теперь он хочет забрать то, что, как он считает, принадлежит ему. Твою мать. Её дочь. Всё, что связано с ней. — Он повернулся к Гидеону. — Хейл не знает о тебе. Пока. Твоя мать сделала всё, чтобы скрыть твоё существование. Но если он узнает — он не остановится. Ты станешь рычагом давления на неё. Инструментом. Именно этого я и боюсь.

Гидеон сглотнул.

— Что я должен сделать?

Алекс посмотрел ему в глаза.

— Ты должен уйти.

Тишина. Старые часы на стене тикали, отсчитывая секунды. Гидеон слышал, как ветер шумит за окном, как скрипят половицы в соседней комнате — там спала Равенна, его пятилетняя сестра, которая даже не подозревала, что этой ночью её мир рухнет.

— Куда? — спросил он.

— В Шотландию. Закрытая школа-интернат. Я всё устроил. Ты будешь там в безопасности. И они будут в безопасности.

— Они? Ты говоришь о маме и Рэй так, будто меня уже нет.

Алекс отвёл взгляд.

— Для них ты не исчезнешь. Ты просто уедешь учиться. Так будет лучше. Для всех.

— Для всех? — Голос Гидеона дрогнул, и он вдруг понял, что кричит — впервые в жизни на взрослого. — Ты выгоняешь меня из дома среди ночи и говоришь «для всех»? Для кого — для тебя? Чтобы тебе было удобнее?

Алекс вздрогнул — едва заметно, но Гидеон увидел. И от этого стало только хуже. Потому что за криком пришла пустота. Он замолчал так же внезапно, как сорвался, и стоял, тяжело дыша, сжимая кулаки, ненавидя себя за эту вспышку.

Алекс не ответил на крик. Он долго смотрел в темноту за окном.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — сказал он наконец. — Не сейчас. Сейчас ты просто должен мне поверить.

— Я верю. — Голос Гидеона снова стал ровным, почти спокойным. — Но я хочу, чтобы ты знал: я вернусь. Когда-нибудь. И тогда ты расскажешь мне всё.

— Расскажу. — Алекс повернулся. — Обещаю.

Они не обнялись. Мужчины в этой семье не обнимались. Алекс просто положил руку ему на плечо и сжал — коротко, сильно. Гидеон запомнил это прикосновение на всю жизнь.

Потом он пошёл собирать вещи.

Он взял только самое необходимое. Одежду. Книгу, которую читал. Фотографию матери и Равенны — единственную, которая у него была. Он сложил всё в старый чемодан, закрыл его и вышел в коридор.

Дверь в комнату Равенны была приоткрыта.

Он остановился. Сердце колотилось. Он знал, что нельзя. Знал, что если войдёт, если увидит её, если она проснётся — он не сможет уйти.

Но он всё равно вошёл.

Она спала. Маленькая, светловолосая, с разбросанными по подушке косичками. Ей было пять. Она ещё верила в сказки. Она ещё не знала, что мир может быть жестоким.

Гидеон стоял над её кроваткой и смотрел. Он хотел запомнить её такой — спящей, безмятежной, счастливой. Он хотел дотронуться до её щеки, поправить одеяло, сказать: «Я вернусь, малышка Рэй. Обещаю».

И он дотронулся. Протянул руку и осторожно, едва касаясь, убрал прядь волос с её лица. Она не проснулась — только вздохнула во сне и улыбнулась чему-то своему. У него перехватило горло. Он стоял так ещё минуту — может, две, — не в силах оторвать руку от её волос, от тёплой щеки, от этого последнего прикосновения.

Потом развернулся и ушёл. Не оглядываясь. Потому что знал: если оглянется — останется.

В коридоре его ждал Алекс. Он ничего не сказал — только кивнул на входную дверь. Гидеон взял чемодан и вышел в ночь.

Машина уже ждала. Старый «Форд» с водителем, которого Гидеон никогда раньше не видел. Он сел на заднее сиденье и посмотрел на дом. В окне горел свет — Алекс ещё не лёг.

Гидеон смотрел на этот свет, пока машина не свернула за угол. А потом закрыл глаза и заплакал. В первый и последний раз за много лет.

Он не знал, что вернётся в этот дом только через много лет — и то мельком, стоя на другой стороне улицы, не решаясь войти. Он не знал, что женщина, которую он полюбит как сестру, так и не узнает, кто он. Он не знал, что человек, которого он назовёт отцом, умрёт, не успев рассказать ему правду.

Он знал только одно: он должен выжить. Ради неё. Ради Рэй. Ради той маленькой девочки, которая спала и не знала, что её брат только что исчез из её жизни.

Ради этого он был готов на всё.

Глава 2. Интернат

Шотландия встретила его холодом.

Не тем лондонским — влажным, пробирающим до костей, с запахом Темзы и выхлопных газов. Другим. Сухим, резким, пахнущим вереском и торфом. Таким холодом, от которого не спасает даже самый толстый свитер. Гидеон стоял у окна своей новой комнаты и смотрел на серые горы, подступающие к самому горизонту. Он никогда не видел гор. В Лондоне не было гор — только здания, мосты, бесконечные улицы. Здесь всё было другим. Чужим.

Интернат назывался «Гленмор» — старое каменное здание, построенное ещё в позапрошлом веке для детей шотландской знати. Теперь здесь учились те, кому нужно было исчезнуть. Дети дипломатов, попавших в опалу. Сироты с туманным прошлым. Мальчики, от которых отказались родители, но не отказались деньги. Гидеон был одним из них — с той лишь разницей, что у него не было ни родителей, ни денег. Только Алекс, который оплатил первый год обучения и исчез.

— Ты новенький?

Он обернулся. В дверях стоял парень — рыжий, веснушчатый, с наглой ухмылкой. Он был старше Гидеона на пару лет и шире в плечах.

— Вэнс, — ответил Гидеон.

— Вэнс? Что за фамилия? Ты откуда?

— Из Лондона.

— Из Лондона? — Рыжий хмыкнул. — А чего тогда здесь? Мамочка с папочкой не справились?

Гидеон промолчал. Он знал этот тип людей — задиры, которые ищут слабого, чтобы самоутвердиться. В его прежней школе таких хватало. Но там у него был Алекс, который мог прийти и разобраться. Здесь у него не было никого.

— Ты что, глухой? — Рыжий шагнул ближе. — Я спросил...

Гидеон ударил первым.

Не потому что был сильнее. Потому что знал: если не ударить сейчас, бить будут его. Каждый день. Весь год. Всю жизнь. Он усвоил это ещё в Лондоне, глядя, как Алекс разбирается с людьми, которые пытались угрожать их семье. «Никогда не показывай страх. Никогда не жди, пока ударят тебя. Бей первым».

Кулак врезался рыжему в челюсть. Парень пошатнулся, но устоял. Его глаза расширились — не столько от боли, сколько от удивления. Он не ожидал, что новенький, тощий и молчаливый, посмеет дать сдачи.

— Ты... — начал он.

— Я Вэнс, — повторил Гидеон. — И я не глухой. Ещё вопросы?

Рыжий потёр челюсть, сплюнул на пол и ухмыльнулся — на этот раз без наглости, скорее с уважением.

— Малкольм, — сказал он. — Я староста этажа. Добро пожаловать в Гленмор.

Он развернулся и вышел. Гидеон остался стоять, прижимая ушибленный кулак к груди. Сердце колотилось где-то в горле. Он не знал, чем всё обернётся дальше. Но он знал одно: он не даст себя сломать. Он обещал Алексу. Он обещал себе.

Первое письмо от матери пришло через две недели.

Гидеон узнал её почерк сразу — изящный, с завитушками на заглавных буквах. Он держал конверт в руках и не мог заставить себя открыть его. Он знал, что там. Слова утешения. Обещания, что всё будет хорошо. Ложь, в которую она сама верила.

Он не открыл письмо. Спрятал его под подушку, а позже — в старый чемодан, вместе с фотографией. Потом было второе письмо. Третье. Десятое. Он не открыл ни одного. Но и не выбросил.

Однажды ночью, когда тоска стала невыносимой, он всё-таки достал первое письмо. Разорвал конверт. Пробежал глазами по строчкам.

«Мой дорогой мальчик. Я знаю, что тебе сейчас тяжело. Знаю, что ты злишься на нас. На Алекса. На меня. Ты имеешь право. Но поверь: всё, что мы делаем, — ради тебя. Ради твоей безопасности. Ради твоего будущего. Когда-нибудь ты поймёшь. А пока — помни: я люблю тебя. Всегда любила. Всегда буду. Мама».

Он прочитал письмо трижды. А потом заплакал — впервые с той ночи в машине. Он сидел на полу, прижимая письмо к груди, и плакал — беззвучно, содрогаясь всем телом, закрывая рот ладонью, чтобы никто не услышал. Он плакал по дому, который потерял. По сестре, которую не мог увидеть. По матери, которая писала ему, но не могла приехать. А когда слёзы кончились, он вдруг поймал себя на том, что улыбается — глупо, криво, — потому что держал в руках её почерк, и этот почерк был живым, и пахло от бумаги чем-то родным.

На следующее утро он встал, умылся, спрятал письмо в чемодан и пошёл на занятия. Никто не узнал. Никто не заметил.

За четыре года в Гленморе он научился многому. Драться — так, что даже Малкольм, староста этажа, перестал его задирать и начал уважать. Молчать — так, что даже учителя терялись под его взглядом. Ждать — потому что каждый день был ожиданием. Ожиданием письма. Ожиданием каникул, на которые он ни разу не поехал домой. Ожиданием того дня, когда он сможет вернуться.

Девочки из соседней школы для благородных девиц начали заглядываться на него уже через год. Он был высокий, тёмный, загадочный — идеальный герой подростковых фантазий. Они передавали ему записки через общих знакомых, подкарауливали после занятий, краснели и хихикали. Однажды одна из них — рыжеволосая, с веснушками и отчаянным взглядом — поцеловала его за часовней. Он ответил. Это был его первый поцелуй — неловкий, быстрый, с привкусом земляники. Но когда она попыталась прижаться ближе, он отстранился.

— Прости, — сказал он. — Я не могу.

— Почему?

Он не ответил. Он сам не знал. Просто чувствовал: есть что-то, что держит его. Что-то, что не позволяет быть как все. Он не мог позволить себе привязанности. Не сейчас. Не здесь.

За два месяца до выпуска он получил последнее письмо от матери. На этот раз он открыл его сразу.

«Дорогой Гидеон. Пишу тебе в последний раз — ты просил не писать, и я уважаю твоё решение. Знай только: я горжусь тобой. Ты сильнее, чем думаешь. Ты смелее, чем знаешь. И ты всегда будешь моим сыном. Что бы ни случилось. С любовью, мама».

Он сложил письмо и убрал в чемодан. Постоял минуту, глядя на закрытую крышку. Потом достал письмо обратно, перечитал последнюю строчку — «ты всегда будешь моим сыном» — и снова спрятал. Как будто этого касания к бумаге было достаточно, чтобы продержаться ещё немного.

Через два месяца он покинул Гленмор и поступил в академию Интерпола. Он больше не был тем мальчиком, который стоял над кроватью сестры. Он стал кем-то другим. Кем-то, кто умел ждать. Кем-то, кто умел бить первым. Кем-то, кто не открывал писем от матери, но хранил их под подушкой.

Кем-то, кто поклялся защищать. Даже ценой собственной жизни.

Глава 3. Академия

Академия Интерпола находилась в Лионе — городе, который пах дождём, старой штукатуркой и вечной весной. Гидеон приехал туда в сентябре, с одним чемоданом и папкой документов. Ему было семнадцать. Он был высок, угловат, с глазами цвета балтийского льда и молчанием, которое говорило больше слов. На вступительных экзаменах он набрал высший балл по аналитике, стрельбе и рукопашному бою. Комиссия была впечатлена. Гидеон — нет. Он просто делал то, что должен был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.